

— Подожди, — недовольно остановил его отец. Дождавшись, когда Цзи Ичэн остановится, он, сдерживая раздражение, продолжил: — Дома что, кровати нет? Вечно тебя куда-то несёт. Стыда не боишься?

— Не боюсь, — по-детски отвернулся Цзи Ичэн.

— Вечно ночуешь на полу в доме Линь, и не стыдно?! — голос отца становился всё громче.

Но Цзи Ичэн, великовозрастный бунтарь, не уступал:

— Ночевать в чужом доме не стыдно. Стыдно должно быть отцу, который не может удержать своего ребёнка дома и заставляет его искать тепло на стороне! Ты бы лучше над собой подумал, а не на меня кричал!

— Ты! Ты... — отец Цзи Ичэна от гнева затрясся, указывая на него пальцем. — Скажи! Когда я тебе тепла не давал? Что бы ты ни попросил, разве я тебе отказывал?

Лицо Цзи Ичэна исказилось обидой.

— Дедушки с бабушкой больше нет, с мамой ты развёлся несколько лет назад. Сам вечно в своей компании пропадаешь. Мне одному дома страшно!

И как только можно было с такой уверенностью кричать о страхе.

Голос отца смягчился.

— Но нельзя же постоянно туда бегать. К тому же, я собираюсь жениться на тёте Ли. У неё двое детей, пусть они будут с тобой дома, хорошо? Они будут тебя слушаться.

В споре всегда так: один напирает, другой, чувствуя свою вину, уступает. Из этого короткого диалога отца и сына Цзи нетрудно было понять, как избаловали этого великовозрастного ребёнка.

Цзи Ичэн, услышав это, не стал сильно возражать, лишь закатил глаза.

— Тогда сразу договоримся. Если ты, папа, найдёшь себе такую же мачеху, как у Кая, и, женившись, забудешь о сыне, так что у меня отец будет что есть, что нет, то никому из нас мало не покажется.

Отец Цзи Ичэна, казалось, уже забыл, с чего начался их разговор, и чуть ли не клялся на небесах и земле:

— Папа просто иногда чувствует себя одиноко дома, хочет найти спутницу. Сынок, не волнуйся, для папы ты всегда будешь на первом месте. Все остальные — потом.

Мужчина в среднем возрасте, без родителей, без жены. Каждый день он не только управляет компанией, но и в одиночку воспитывает сына. Поэтому Цзи Ко никак не мог понять поступка старого Го.

Ты встретил свою настоящую любовь, развёлся, чтобы быть с ней, — это ладно. Но сын-то что, не родной? Женился и тут же вычеркнул родного ребёнка из сердца?

Люди, способные на такое, по мнению Цзи Ко, были с гнильцой в душе.

Поэтому, хотя в молодости он и дружил со старым Го, за последние годы их общение, по инициативе Цзи Ко, сошло на нет.

Цзи Ичэн, видя такую преданность отца, смягчился. Внезапно ему в голову пришла идея.

— Папа, ты так рано вернулся из компании, значит, у тебя нет дел? Поехали со мной в дом Линь?

Цзи Ко первым делом отказался.

— Ты дружишь с Линь Ханем, тебе нормально поехать к нему переночевать. Но я-то, сорокалетний мужик...

— Я не об этом, — Цзи Ичэн потащил отца к выходу, тараторя на ходу: — Смотри, ты ведь неплохо общаешься с дядей Линем, да? Я и Линь Хань почти ровесники, верно? И мы с ним очень хорошо дружим. Когда мы разговариваем, мы ничего друг от друга не скрываем. В моём сердце его отец — это и мой отец, а мой отец — и его. Он наверняка думает так же.

У Цзи Ко, которого тащили за собой, появилось дурное предчувствие.

— И что?

— А то, что, папа, ты можешь поговорить с дядей Линем. Пусть я стану его крёстным сыном, или Линь Хань — твоим. Мне не нужно наследство семьи Линь, но я не против разделить наследство семьи Цзи с Линь Ханем. Так, если я стану крёстным сыном дяди Линя, или Линь Хань — твоим, мы с Линь Ханем станем братьями, и все мы будем одной семьёй.

А раз мы одна семья, то я буду таким же, как Линь Ци и Линь Линь. У меня тоже будет своя комната в доме Линь, и я смогу приходить туда ночевать, когда захочу! И даже жить там. Если бы папа не был таким щепетильным, я бы и его с собой прихватил.

Он же почтительный сын. Он бы уступил кровать отцу, а сам мог бы и на полу в гостевой поспать.

— Глупости! — Цзи Ко вырвал свою руку. — Крёстный сын — это тебе не игрушки! А делить наследство — это вообще ни в какие ворота!

Его тон резко изменился, в нём послышался настоящий гнев.

Цзи Ичэн дёрнул рукой, которая ударилась о ручку чемодана, и, посмотрев на стоявшего там Цзи Ко, мрачно и обиженно пробормотал:

— Ты уже и руки на меня поднимаешь...

Выражение лица Цзи Ко на мгновение дрогнуло, но он остался стоять на месте.

— Ты понял свою ошибку? Что за чушь ты несёшь, совсем распоясался!

Цзи Ичэн швырнул чемодан на пол.

Цзи Ко: !!!

— Ты же сказал, что вы все вместе приедете? Где Чэнцзы? — спросил Линь Хань, увидев, что в дом вошли только Цзян Ян и Го Кай.

На лице Цзян Яна появилось странное выражение — он пытался сдержать улыбку, но у него не получалось.

— Чэнцзы дома с отцом дерётся. В ближайшее время он вряд ли сможет приехать.

— Дядя Цзи может поспориться с Чэнцзы? — Линь Хань не верил своим ушам.

До появления его собственного дяди дядя Цзи был самым балующим родителем из всех, кого он знал. Цзи Ичэн иногда вёл себя инфантильнее их всех, и Линь Хань был уверен, что в этом большая заслуга дяди Цзи.

Ссора, а тем более драка между отцом и сыном Цзи — эта новость была сродни тому, что его дядя отшлёпал Фэйфэя.

Цзян Ян кивнул.

— Я только мельком заглянул в дверь, там такое творилось! Думаю, дяде Цзи придётся снова делать ремонт в гостиной. Фарфор, телевизор, окна — всё вдребезги. Даже диван перевернули. Не думал, что у Чэнцзы в его тщедушном теле столько силушки.

Драться с отцом Цзи Ичэн бы не стал, он не такой непочтительный. А вот разгромить дом — это он мог.

— Ладно, ладно, это слишком жестоко, детям такое слушать нельзя, — поспешно остановил его Линь Хань, рядом с которым сидел Фэйфэй.

Он-то знал, на что способен Цзи Ичэн в гневе. Настоящая больная на голову хаски, крушит всё, что попадётся под руку. Нельзя, чтобы Фэйфэй такое слушал, а то ещё научится плохим привычкам.

— Фэйфэй, братик привёз тебе подарочек, — Цзян Ян, увидев милого малыша, расцвёл в улыбке и, присев на корточки, достал из рюкзака красиво упакованную коробку. — Это шоколад и конфеты ручной работы, которые я заказал в стране F. Я попробовал, очень вкусно, и всё привёз для Фэйфэя.

— Спасибо, братик, — Фэйфэй обнял коробку. Название страны F показалось ему знакомым, и он тут же вспомнил: — Фэйфэй на день рождения ел мороженое от братика.

Цзян Ян знал, что Фэйфэй говорит не о нём, а о Линь Хане. На прошлом дне рождения малыша они ещё не были знакомы.

— Мороженое было вкусное? — Цзян Ян принялся помогать малышу распаковывать коробку.

Фэйфэй кивнул.

— Мороженое холодное и сладкое, — вспомнив прохладный и сладкий вкус мороженого, малыш восторженно блеснул своими чёрными, как агаты, глазками.

— Тогда попробуй, сладкие ли у братика конфеты, — распаковав коробку, Цзян Ян сунул в рот Фэйфэю шоколадку.

Фэйфэй открыл ротик и съел свою пятую за сегодня шоколадку.

Четыре предыдущие он съел до прихода Цзян Яна и Го Кая, их ему дал Линь Хань.

Круглый шоколадный шарик катался во рту, надувая щёчку, и это выглядело очень мило. Фэйфэй, кажется, и сам находил это забавным: шарик перемещался то к левой щеке, то к правой.

Панпан, сидевший у него на руках, зашевелился, виляя хвостом.

Но не успел рыжий котёнок что-либо предпринять, как Фэйфэй вдруг схватился за щеку. В нижней челюсти слева, у основания зуба, что-то запульсировало болью.

— У-у-у, — малыш медленно опустился на пол у ног Линь Ханя и тихо застонал от боли.

Линь Хань, увидев, что Фэйфэй схватился за щеку, сразу понял, что дело плохо. Он тоже присел и спросил:

— Фэйфэй, где болит? Зуб болит?

— Батик, зуб боит, — простонал Фэйфэй, его речь стала невнятной от боли. В больших глазах мгновенно заблестели слёзы.

— Фэйфэй, а-а-а, открой ротик, дай братику посмотреть, — Линь Хань взял у Го Кая стакан с водой, дал малышу прополоскать рот, а затем попросил его запрокинуть голову и открыть рот.

Как оказалось, даже у мифических зверьков бывает кариес.

Если есть слишком много сладкого, даже прилежная чистка зубов не поможет. К тому же, слишком частая чистка тоже вредна для зубов.

Линь Хань долго светил фонариком в рот Фэйфэя и наконец обнаружил на зубе, на который показывал малыш, тонкую тёмную полоску — как раз в углублении, в скрытом месте.

Фэйфэй держал рот открытым и не двигался, но от боли его лоб уже покрылся испариной.

Малыш, избалованный семьёй Линь, самую сильную боль, которую он когда-либо испытывал, — это укол. Он и представить не мог, что бывает боль намного сильнее. То, что он сейчас не катался по полу в истерике, а послушно давал себя осмотреть, уже было признаком большого мужества и послушания.

Линь Хань глубоко вздохнул и вдруг закричал:

— Сюда! У Фэйфэя кариес!

Если бы не возраст и отсутствие прав, он бы уже схватил Фэйфэя и помчался в больницу.

Этот крик переполошил весь дом.

— У кого кариес? — первой выбежала Ян Юйин, она была внизу.

Увидев Фэйфэя, бледного от боли, она чуть не разрыдалась от жалости. Не успев даже снять фартук, она схватила малыша и бросилась к выходу.

В этот момент спустились Линь Гошэн, Линь Госюн и Линь Гохун. Увидев внука в таком состоянии, они тоже были убиты горем.

Они же следили, чтобы он хорошо чистил зубы, как же так получилось?

— Деда... — малыш, потерявший от боли ясность сознания, прошептал, обнимая Ян Юйин за шею. — Бабушка, Фэйфэй... у-у-у... Фэйфэй что, сейчас умрёт?

Малыш не совсем понимал, что такое смерть, но знал, что это что-то плохое и очень неприятное. И сейчас ему было очень неприятно.

Неужели Фэйфэй тоже умрёт?

<http://bllate.org/book/13654/1596072>